

**ВЛАСТЬ, ЗАКОН И ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ
В РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОТХОДА КРЕСТЬЯН
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-21-27>

Актуальность данной темы определяется пробуждением интереса ученых в современной России к проблеме отхода крестьян на заработки в пореформенное время. Связано это с расширением сегодня практики массового перемещения населения страны в поисках новых рынков труда. Для принятия правильных политико-экономических и правовых решений в деле государственного управления особенно важно изучение вопроса о влиянии российских властей на развитие этого процесса в прошлом. Предметом настоящего исследования является деятельность сельской и центральной власти в деле регулирования промыслов крестьян в пореформенной деревне. Автор в статье поставил цель проанализировать особенности и последствия регулирования властью ежегодного грандиозного перемещения крестьян в поисках заработка, а также соотношение официальных законов и правовых обычаев в деле найма отходников. Методологию работы составили общенаучные методы познания, а именно анализ, синтез, историзма, сравнения и ряд других. В статье проведен анализ фактического материала, на основе которого сделан вывод о том, что отход в земледелие возник в результате правительственной реформы в 1861 г. Все изучаемое время центральная власть регламентацией процесса занималась вяло и неохотно, а местные власти ставили этому движению разные препоны. Перемещение крестьян происходило стихийно, власть не контролировала направления отхода, доставку работников, рынки найма, заболевания и травматизм, правовое положение в местах найма. Автор установил, что оба закона о найме сельских работников отвечали только интересам нанимателей, однако они были менее кабальные, чем местные правовые обычаи. Полное безразличие властей к судьбам отходников постепенно меняло их сознание и превращало их в активные политические элементы. Научная новизна аккумулируется в новой постановке проблемы о роли власти и законов о труде в развитии промыслов. Автор пришел к выводу о необходимости исследования причин активного участия отходников в политических событиях начала XX в. Материалы статьи заслуживают внимания специалистов в сфере управления сельским хозяйством, ученых, изучающих политические и правовые процессы в пореформенной деревне, а также преподавателей истории и теории государства и права, краеведов.

СКРЯБИН

Игорь Валерьевич

кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры
государственно-правовых
дисциплин Тульского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Тула)

ig1012008@yandex.ru

**Земледельческий отход
крестьян;
власть и промыслы крестьян;
закон о найме в деревне;
правовой обычай;
правовое положение
отходников**

Igor V. SKRYABIN

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department
of State Law Disciplines,
Tula Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Tula)

ig1012008@yandex.ru

**POWER, LAW AND LEGAL CUSTOM IN THE DEVELOPMENT
OF AGRICULTURAL WASTE OF PEASANTS
IN POST-REFORM RUSSIA (ACCORDING
TO THE MATERIALS OF THE TULA PROVINCE)**

The urgency of this topic is determined by the awakening of scientists in modern Russia to the problem of peasants' departure for work in the post-reform period. This is due to the expansion of the practice of mass displacement

**Agricultural waste of peasants;
power and crafts of peasants;
law on employment in the village;
legal custom;
legal status of waste workers**

of the country's population in search of new labor markets. In order to make the right political, economic and legal decisions in government, it is especially important to study the influence of the Russian authorities on the development of this process in the past. The subject of this study is the activities of the rural and central authorities in regulating the crafts of peasants in a reformed village. The author's goal in this article is to analyze the peculiarities and consequences of the authorities' regulation of the annual grandiose movement of peasants in the search, as well as the relationship between official laws and legal practices in the hiring of waste workers. The methodology of the work was composed of general scientific methods of cognition, namely analysis, synthesis, historicism, comparison and a number of others. The article analyzed the actual material on the basis of which it was concluded that the waste in agriculture was the result of the government reform in 1861. Throughout the time under study, the central government was sluggish and reluctant to regulate the process, while the local authorities put various obstacles to the movement. Peasants were moved spontaneously, the authorities did not control the directions of departure, the delivery of workers, recruitment markets, diseases and injuries, and the legal situation in the places of employment. The author found that both laws on employment of rural workers were only in the interests of employers, but they were less oppressive than local legal customs. The authorities' complete indifference to the fates of waste workers gradually changed their consciousness and turned them into active political elements. Scientific novelty is accumulated in a new formulation of the problem of the role of the authorities and labor laws in the development of the industry. The author came to the conclusion that it was necessary to study the reasons for active participation of waste workers in political events of the early 20th century. The materials of the article deserve attention of specialists in the sphere of agriculture management, scientists studying political and legal processes in the post-reform village, as well as teachers of history and theory of state and law, local historians.

Тульские крестьяне были вынуждены заниматься промысловой деятельностью уже в дореформенную эпоху. По договоренности с помещиком, чтобы оплатить оброк, некоторые крепостные летом уходили на заработки из своей губернии. В Военно-статистическом обозрении Тульской губернии, опубликованном за год до отмены крепостного права, говорится: «... в неурожайные годы многие крестьяне, особенно из больших семей, уходят на заработки в Москву, а нередко и на юг, в землю Войска Донского» [1, с. 70]. Однако массовым отходничеством стало после реформы 1861 г. «Общее положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости» предоставляло крестьянам личную свободу и общегражданские права. Теперь крестьяне могли владеть движимым и недвижимым имуществом, заключать любые сделки, выступать как юридические лица. Они освобождались от личной опеки помещика, могли менять место жительства и наниматься на любые работы. Согласно ст. 22 крестьяне могли заключать всякие дозволенные законом договоры, обязательства и подряды [2, с. 47].

Неуклонный рост в пореформенный период отходничества можно проиллюстрировать данными паспортной статистики. Если в 60-х гг. XIX в. местные крес-

тьяне ежегодно брали в среднем по 46 тыс. паспортов, то уже в 1900 г. количество документов увеличилось до 240 тыс. Цифры паспортной статистики подтверждают и данные статистических обзоров Тульской губернии, которые составлялись волостными правлениями: 1889 г. – 115 тыс., 1900 г. – 224 тыс. отходников [3, с. 17, 9].

Архивные материалы и различные статистические сведения показывают, что Тульская губерния входила в число губерний с хорошо развитыми промыслами. Среди 50 губерний Европейской России ей в начале XX в. принадлежало девятое место по отходу крестьян.

Отметим, что очень быстро право крестьян на заработки в других регионах превратилось в необходимость ими заниматься. Правительство, совершая реформу в интересах помещиков, лишило селян части земель, которые им ранее принадлежали. Пашни оказалось не только мало – зачастую она была очень низкого качества. Однако и за эти клочки надо было платить большие выкупные платежи. Придавили крестьян и высокие налоги.

Правительство, конечно, знало о малоземелье и недостатке денег у хлебопашцев, но за 40 порефор-

менных лет ничего существенного по улучшению положения в деревне не сделало. Спасение крестьян стало делом рук самих крестьян. В 1902 г. Тульскую губернию по заданию Министерства финансов обследовал чиновник М. Н. Кашкаров, который установил, что за 40 лет земельный голод увеличился, деревня на грани выживания и без промыслов на стороне хозяйство вести невозможно [4, с. 60]. Значение заработков для земледельцев показывает сложившиеся к этому времени поговорки: «Соха кормит, налоги на стороне»; «соха кормит, промыслы одевают» [5, с. 26, 28]. Время от времени разные чиновники, комиссии, губернаторы сообщали императору о размахе земледельческих промыслов, но нужной реакции не следовало. Центральная и местная власть не получала специальных инструкций о регулировании отходничества и тактику в отношении этого процесса выработывала сама. Особенно оригинально действовала сельская администрация, руководствуясь в вопросах регулирования отходничества прежде всего своими интересами.

Отменив крепостное право, царское правительство сохранило общину в тех местностях, где она была до реформы, в том числе в Тульской губернии. Она обеспечивала оплату всех податей, и власть передала ей огромные права. Вместо старого господина-барина крестьяне в 1861 г. получили нового – общину. Администрации общины и сельскому начальству был невыгоден отход селян на промыслы (голоса на сходе, уплата налогов и платежей, исполнение повинностей и т.д.) Поэтому они не только не помогали отходникам, но и ставили им различные препоны в осуществлении промысловой деятельности. Ежегодно, чтобы вырваться из лап местной власти, отходник обязан был уплатить все подати и получить паспорт. Сельское начальство за небольшую недоимку в форме придирки может не дать паспорт, нередко сообщали из тульской деревни [6, с. 233]. В течение 40 лет до 1897 г. за документ на отлучку надо было платить, полугодовой билет стоил рубль. Кроме того, волостному писарю (важная фигура) приходилось доплачивать, чтобы он в паспорте подросткам набавлял возраст, и они считались полноценными работниками и могли побольше заработать. Но и с отменой платы за документ отход продолжал оставаться стесненным целым рядом обстоятельств. «Паспорт выдавался не иначе как с разрешения сельского старосты, волостного старшины и земского начальника», – писал в начале XX в. тульский помещик С. Терехов [6, с. 389, 390]. Члены семей, уходившие на заработки, обязаны были отцу высылать деньги для хозяйских нужд, а тех, кто уклонялся от этого долга, по просьбе отца сельский староста возвращал в деревню. Самых строптивых сельская власть могла и наказать, лишив части отцовского имущества. Таким образом, пося-

гательство происходило и на результаты труда, и на размер наследства отходника.

Но были случаи, когда на отхожие заработки крестьяне отправлялись по принуждению местных властей. В основном это были «стесненные в деньгах недоимщики», которым приходилось «брать работу на самых невыгодных условиях». Происходило это просто. Обычно прибывший зимой приказчик угощал сельское начальство. Оно, в свою очередь, собирало недоимщиков и «давило» на них. Крестьяне вынуждены были заключить договоры за невысокую плату и взять при этом небольшой задаток. За помощь при найме волостной староста и писарь получали от приказчика деньги. Иногда отдавали неисправного плательщика в работы на местном заводе. Происходило это по воле сельской администрации, но решения принимала община. По запросу из ближайшего заводоуправления хронического неплательщика отправляли заготавливать и возить дрова, перевозить уголь и чугун и т.д. Недоимку удерживали из его заработка. Оба примера говорят о том, что местные власти «поддерживали» отход в том случае, если польза от него была не отходнику, а начальству.

Какими соображениями руководствовались тульские крестьяне, выбирая то или иное направление промысла? По свидетельству очевидцев отхода, волостных старост, местные отходники обычно выбирали район заработков случайно, по слухам, по инерции. Волостные правления, как правило, не ориентировали уходивших крестьян на лучшие в сезоне районы найма [7, с. 7]. Правительство также не вмешивалось в это и не проявляло нужного интереса к организации отхода и его направлениям. Центральная и местная власть не регулировала отход, не информировала о видах на урожай в других регионах и о размерах спроса там на рабочие руки. Такое безразличие к судьбам промыслового населения нередко приводило к тому, что крестьяне проходили места хорошего спроса на рабочую силу и возвращались домой без заработка.

Отметим также, что очень сложно было из-за удаленности Тульской губернии добраться крестьянам до района заработков. Часть туляков вынуждена была идти пешком, чтобы таким способом сэкономить несколько рублей. Большинство отходников пользовалось железными дорогами. Для их перевозки предназначались вагоны самого дешевого, четвертого класса. Но и эти вагоны были дороги для рабочих, к тому же их часто не хватало, и рабочих перевозили в товарных составах. Товарные вагоны набивались людьми битком, поезд двигался очень медленно. Крестьяне терпели убытки из-за медленного движения транспорта, так как поздно прибывали на работу и в пути проедали много денег. На съезде землевладельцев Кубанской области в 1902 г. чиновник

Морев сообщал собравшимся, что большую группу крестьян, выписанных в мае из губерний земледельческого центра, доставляли на Кубань более двух месяцев и привезли тогда, когда работы фактически были завершены [8]. Санитарные, железнодорожные и полицейские службы перевозки крестьян не контролировали и помощи не оказывали. Правительство хорошо знало о мытарствах сельских рабочих на транспорте, не раз этот вопрос обсуждало, но так до 1917 г. ничего и не сделало по улучшению перевозок отходников в стране.

Мы видим, что значительное влияние на развитие отхода в стране оказывала политика властей. Но был и второй серьезный фактор – законодательные акты, регулирующие наемный труд в земледелии в пореформенное время, анализ которых мы и проведем.

Правовые отношения сельскохозяйственных рабочих с помещиками и кулаками по всей России регламентировались специальными законами. Первое положение о труде в земледелии появились вскоре после отмены крепостного права. 22 апреля 1863 г. император Александр II утвердил «Временные правила о сельских рабочих», целью которых являлось закрепление рабочих рук за нанимателями. Эти правила, естественно, распространялись и на отходников. Согласно документу землевладельцы получили право за отлучку и плохую работу взыскивать с наймита денежный штраф в размере двойного дневного заработка. Свободный работник мог уйти от нанимателя раньше окончания срока найма, но только в случае, если хозяин наносил ему побои и телесные повреждения. А неугодного работника можно было в любое время рассчитать за малейшее нарушение и отказ выполнять условия договора. Однако сельские наниматели, особенно представители южных губерний, считали правила 1863 г. слишком мягкими и много раз ходатайствовали перед правительством об их изменении. По их мнению, новые правила должны обеспечить хозяев дешевыми рабочими руками, «которые бы не смели «фордыбачить» и сидели бы тише воды и ниже травы при самых скверных условиях существования» [9, с. 57].

Не дожидаясь появления нового закона, хозяева Донской и Кубанской области сами создали и стали применять специальные правила найма пришлых работников. Единственной обязанностью землевладельцев по отношению к рабочим являлась здесь выдача расчетной книжки. Перечень обязанностей работника – это главная часть договора. Неисполнение отходниками требований хозяев приравнялось к восстанию против правительственных властей. Хозяин имел право штрафовать наймита за самовольную отлучку в течение одного дня в тройном размере, а за утрату инструмента взыскивать по своему усмотрению [10, с. 13–15].

В конце концов новый свод законов о сельских рабочих был готов и под названием «Положение о найме на сельские работы» (далее – Положение) 12 июня 1886 г. был утвержден Александром III [11].

Данный документ, наиболее полно учитывающий интересы нанимателей как центра, так и юга России и ставивший работников в огромную зависимость от землевладельцев по всей стране, действовал практически без изменений более 30 лет. Положение было попыткой государства усилить свою роль в урегулировании общественных отношений, в решении споров помещиков и наемных крестьян, но, как мы увидим, землевладельцы в местах прихода работников не всегда придерживались официального закона и часто применяли при найме работников свои, более суровые и жесткие местные обычаи. Обратимся к правовому положению и условиям труда тульских крестьян в южных губерниях.

Анализ различных материалов свидетельствует о том, что измученные изнурительным трудом крестьяне-отходники не получали нормальных условий для отдыха. Положение 1886 г. очень мало внимания уделяло проблеме качества жилья наймитов. Статья 27 предписывала, что вопрос о жилище рассматривается по желанию сторон, и его можно включать в условия контракта, а можно и не вносить. О характере помещений Положение вообще умалчивало, за исключением ст. 60, которая не разрешала размещать наймитов в инфекционных комнатах, где до этого проживали больные люди.

Прямо с рынка рабочих привозили в поле, где не было, как правило, никаких помещений для жилья. Работники часто спали и работали под открытым небом. Иногда сооружали для них шалаши или сараи. По местным обычаям, писал исследователь В. В. Хижняков, некоторые хозяева на юге приспособивали для рабочих старые бани, амбары, конюшни. Только в крупных имениях для этих целей строились специальные казармы, куда до отказа набивали пришлых крестьян, нарушая при этом элементарные правила санитарии.

Южные губернии держали рекорд по продолжительности рабочего дня в России в летнее время. На каких бы идеологических позициях ни находились дореволюционные исследователи отхожих промыслов (Н. В. Шаховской, В. В. Хижняков, Е. Варб), все они дружно отмечали, что работники здесь по обычаю трудились столько, сколько потребует хозяин [7; 12; 13]. Величина рабочего дня определялась не законом, а границами светового дня, т.е. с восхода солнца и до сумерек, и равнялась 14–15 часам. Никакой статистики нормирования рабочего времени в сельском хозяйстве России не существовало, так как даже не существовало самой постановки вопроса о регулировании рабочего дня в деревне. Правительство

это считало лишним. В каждом регионе действовали местные обычаи, которые в летнюю пору позволяли захватывать значительную часть ночи для ухода за скотом, для ремонта орудий и упряжи. Во многих хозяйствах работали обычно по ночам при луне и кострах. Возникла ночная молотьба. В такие дни рабочий день увеличивался до 20 часов в сутки. Примерно такой же протяженности был рабочий день на табачных плантациях.

Важным показателем положения крестьян-отходников являлось их питание. Существовало два вида найма – на своих и на хозяйских харчах. Естественно, что пришлые работники приглашались в основном на харчи нанимателей, что давало возможность экономить на их продовольствии.

Согласно официальному законодательству, выделяемые харчи должны были быть доброкачественными и примерно соответствовать пище середняцких семей данной местности (ст. 34 Положения). Однако эту статью наниматели южных губерний ловко обходили. Ни по составу, ни по норме еда не отвечала требованиям закона. Продуктов выдавалось всего несколько наименований и в мизерных объемах. Главной провизией являлись ржаной хлеб, картофель, крупа и капуста. Князь Н. В. Шаховской, которого трудно заподозрить в симпатиях к рабочим, писал: «Пища дается им самая скверная и в недостаточном количестве» [7, с. 90]. Стремясь уменьшить расходы на харчи рабочих, наниматели максимально отступали от указанной ст. 34.

Нередко от весеннего холода и тяжелой работы отходники заболевали. В этом случае местные землевладельцы поступали с ними безжалостно. Зная, что пострадавших наймитов закон не защищает, они по традиции распорядились отвезти их на дорогу и там оставить. Лечебницы часто находились от хозяйств в 10–15 верстах, и, чтобы попасть на лечение, путь нужно было пройти пешком.

Еще более трагическими оказывались последствия для крестьян, получивших травму. Чрезвычайно напряженный труд на юге вел к значительному травматизму. Из тысячи травмированных в земледелии умирало в среднем 37 человек, а в 228 случаях терялась трудоспособность. Статья 46 Положения требовала от нанимателей в случае, если травма случится по их вине, позаботиться о пострадавшем, однако в реальной жизни происходило по-другому. Рабочим, получившим травму, не оказывалась никакая денежная помощь. По местному обычаю их выгоняли из хозяйства или в лучшем случае калек оставляли в качестве ночных сторожей.

Значительная часть тульских крестьян уходила на заработки в соседние губернии, например в Калужскую. Прельщало, что позже выходить, ближе идти, но условия работы и правовое положение работни-

ков были здесь не намного лучше, чем на юге. Начнем анализ с обязанности наймита являться на работу в строго назначенный срок. Официальный закон к этому подходил просто: как сговорятся участники сделки, так и будет (ст. 48 Положения). Однако по образцу южных губерний сюда вмешивалось обычное право, которое объявляло неявку на службу по первому требованию хозяина грубым нарушением и требовало уплатить штраф, в два раза превышающей дневной заработок.

Максимально длительным, как и на юге, был здесь рабочий день, причем как летом, так и зимой. У части хозяев начинали трудиться глубокой ночью, а помещик, у которого работали с рассвета, почитался как благодетель. Очень коротким был обеденный отдых. Если бывает отдых в полдень, то делается это только для скота, так как самому батраку дают другую работу, традиционно сообщали из губерний [14, с. 19]. Обычной была работа в выходные и праздничные дни. Однако и этого калужским хозяевам было недостаточно, и они написали в Синод письмо с желанием в летние месяцы отменить часть праздничных нерабочих дней.

Подражая южным землевладельцам, местные хозяева также практиковали наем на харчах нанимателя. Одинаковые были здесь и злоупотребления в отношении выдачи провизии. На рекомендацию официального закона о кормлении пришлых рабочих как в местных середняцких семьях внимания никто не обращал. Из волостных правлений в 1898 г. сообщали, что «рабочие в помещичьих имениях нередко умирают с голоду, кормят их дохлятиной и сырым» [15, с. 33].

Если и дальше мы будем сравнивать статьи официального права с использованием правового обычая в Калужской губернии, то увидим, что практически все нормы Положения подменялись местными обычаями, более жесткими и суровыми. Так, ст. 36 Положения запрещала работнику сразу наниматься к двум хозяевам, и за это нарушение «многостаночника» возвращали в первого нанимателю. Местная традиция была более безжалостной и предлагала обманщика наказывать розгами. Или другой случай: если работник допустил прогул, то ст. 50 и 51 Положения требовали наказания путем вычета за прогул в двойной плате за день. Обычное право не церемонилось с прогульщиком и заставляло его за прогульный день отработать два плюс штраф по усмотрению хозяина.

Приведенные в статье материалы показывают, что правительство и местная власть отход крестьян на заработки не считали явлением, которое заслуживает большого внимания. Процесс мало контролировался и изучался, недостаточно делалось обобщений и выводов о его влиянии на общественно-политическую

жизнь страны. Летом 1902 г. по распоряжению императора Николая II было создано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», а затем учреждены и приступили к работе губернские и уездные комитеты по обсуждению проблем сельского хозяйства. Именно в трудах Особого совещания проявился должный интерес к отходничеству, установлены примерные масштабы крестьянских промыслов и их значение для российского земледелия, высказана тревога за слабый контроль этого процесса. Но рекомендации губернских комитетов в основном остались лишь на бумаге, что подтверждается незначительными изменениями отношения властей к практике земледельческого отходничества в начале XX в.

Никто в правительстве серьезно и основательно не занялся подсчетами и прогнозированием последствий массового отхода для деревни. А последствия вырисовывались безрадостные. Думая только о сохранении помещичьего землевладения, о прибылях хозяев, о сглаживании противоречий между нанимателями южных и центральных губерний, власти закрывали глаза на внутренние процессы в селе. Здесь в результате ухода крестьян на промыслы появилось много негатива: пьянство, хулиганство, разорение семей, распад браков, внебрачные дети, высокая смертность среди грудных детей, снохачество и др.

Отход как явление трудовой миграции нанес урон трудовому воспитанию. Традиционно семья воспитывала тягу к труду, приучала подростков работать на своей земле, относиться к ней бережно, как к кормилице. Но 40 пореформенных лет наложили отпечаток на любовь к родной земле. Из уездов Тульской губернии сообщали, что молодые крестьяне, побывавшие в отхожих промыслах, «отвыкли от домашних работ, земля перестала для них быть опорой, и потерей надежда их не запугаешь» [16, с. 31].

Сельская власть не смогла спасти падение авторитета отца в семье. Столетиями с детства подростки усваивали, что нельзя противиться воли отца, власть его священна. Отца надо уважать и беспрекословно слушаться. Однако пореформенная жизнь поменяла взгляд детей на значение отца. С молодых лет сыновья с отцом находились в отхожих промыслах, терпели одинаково трудности и лишения и добывали для семьи не меньше средств, чем их отец. Приобретая опыт и экономическую самостоятельность, они постепенно выходили из подчинения родителей. Мнение и приказы отца перестали для детей быть ре-

шающими. Земский начальник С. А. Новиков писал о падении авторитета отца: «Жизнь становится адской: дети дерутся, бабы ругаются и тоже дерутся, мужики из-за всего ссорятся» [17, с. 28]. Вразумить пьяницу или бунтовщика отец уже не мог.

Но самым опасным для властей было то, что малограмотные крестьяне, работая на передовом юге России по восемь месяцев ежегодно, постепенно обзаводились жизненным опытом, расширяли кругозор, приобретали общественную активность. В головах появлялось критическое отношение к власти и закону, а самое главное – антимонархические и революционные настроения. В Российском государственном историческом архиве (фонд Министерства юстиции) хранятся дела, которые показывают активную роль отходников в 1902 г. в организации сопротивления властям в уездах Тульской губернии [18].

Подведем итоги. Историко-правовой анализ развития земледельческих промыслов крестьян в пореформенный период показывает, что сельская администрация была не заинтересована в уходе селян из региона и всячески этому чинила препятствия. Правительство, подтолкнув к росту земледельческие промыслы реформой 1861 г., преграды процессу не ставило, однако полностью не понимало важности и необходимости его регулирования и контроля. Количество отходников из года в год увеличивалось, но это движение происходило стихийно, что значительно снижало его результаты. Безусловно, промыслы вдали от дома способствовали развитию капитализма в земледелии, росту товарно-денежных отношений, мобильности и правового сознания крестьян. Однако и негатива от этого явления в деревне оказалось с избытком. Принятые правительством два закона о найме в земледелии защищали интересы только нанимателей, сглаживали противоречия между ними и были направлены против работников. По всей России более 30 лет действовало Положение. Оно имело много недостатков, но поддерживало в сельском хозяйстве отношения свободного капиталистического найма, в то время как местные обычаи подкрепляли кабальные условия и были более суровы, чем официальное законодательство. Необъективное отношение властей к указанному движению, безразличие к судьбам отходников, несправедливость законодательства в земледелии, подмена официальных законов более строгими правовыми обычаями – все это способствовало превращению крестьян-отходников в активных участников антифеодального и антимонархического движения в деревне в начале XX в.

Пристатейный библиографический список

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 4 : Тульская губерния. СПб. : Тип. Департамента Генерального Штаба, 1852.
2. Высочайше утвержденное общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36657.
3. Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М. : Вопр. труда, 1926.
4. Кашкаров М. Н. Статистический очерк хозяйственного и имущественного положения крестьян Орловской и Тульской губерний. СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1902.
5. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа: сборник: в 2 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1984.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 43 : Тульская губерния. СПб. : Народная польза, 1903.
7. Шаховской Н. В. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М. : Изд. Н. Сытина. 1896.
8. Северный Кавказ. 1902. 10 окт.
9. Ярошко А. Рабочий вопрос на юге. Его прошедшее, настоящее и будущее. М. : Тип. И. Н. Кушнерев и Ко, 1894.
10. Абрамов Я. Фабричные порядки в сельском быту // Экономический журнал. 1885. Кн. 2.
11. Положение о найме на сельскохозяйственные работы от 12 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 6. СПб., 1888. № 3863.
12. Хижняков В. В. Положение рабочих в сельском хозяйстве в санитарном отношении. Херсон, 1899.
13. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве. М. : Маг. «Кн. дело», 1899.
14. Статистическое описание Калужской губернии Т. 1 : Козельский уезд. Вып. 2. Калуга : Тип. Губ. правл., 1898.
15. Статистический обзор Калужской губернии за 1898 год. Калуга : Тип. Губ. правл., 1898.
16. Сопровождение г. земских начальников Тульской губернии 1898 года. Тула, 1898.
17. Новиков А. И. О сельскохозяйственных нуждах Тульской промышленности. Тула, 1903.
18. Российский государственный исторический архив. Ф.1405. Оп. 105. Д. 8242, 8889, 9251.

References

1. Military and Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 1. Part 4: Tula Province. St. Petersburg: General Staff Department Printing House, 1852.
2. The Highest Approved General Provision for Peasants Who Came Out of Serfdom of 19 February 1861. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 2. Vol. 36. D. 1. St. Petersburg, 1863. No. 36657.
3. Mints L. E. A Peasant's Departure in the USSR. Moscow: Vopr. truda, 1926.
4. Kashkarov M. N. Statistical Essay on the Economic and Property Status of Peasants in Oryol and Tula Provinces. St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing House, 1902.
5. Dal V. I. Proverbs and Sayings of the Russian People: Collection. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1984.
6. Proceedings of the Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. St. Petersburg: Narodnaia pol'za, 1903.
7. Shakhovskoi N. V. Agricultural Waste Crafts. Moscow: N. Sytin's Edition, 1896.
8. North Caucasus. 10 October 1902.
9. Iaroshko A. Working Issue in the South. His Past, Present and Future. Moscow: Printing House I. N. Kushnerev and Co, 1894.
10. Abramov Ia. Factory Orders in Rural Life. *Economic Journal*. 1885. Book 2.
11. Regulation on Hiring for Agricultural Work dated June 12, 1886. *Complete Collection of Laws of Russian Empire*. Collection 3. Vol. 6. St. Petersburg, 1888. No. 3863.
12. Khizhniakov V. V. Provision of Workers in Agriculture in Sanitary Respect. Kherson, 1899.
13. Varb E. Hired Agricultural Workers in Life and Legislation. Moscow: Shop "Knizhnoe delo", 1899.
14. Statistical Description of the Kaluga Province. Vol. 1: Kozelsky District. Issue 2. Kaluga: Typ. by Provincial Government, 1898.
15. Statistical Review of the Kaluga Province in 1898. Kaluga: Provincial Government's Printing House, 1898.
16. Meeting of Zemstvo Chiefs of Tula Province in 1898. Tula, 1898.
17. Novikov A. I. On the Agricultural Needs of the Tula Industry. Tula, 1903.
18. Russian State Historical Archive. F. 1405. Ser. 105. Files 8242, 8889, 9251